

**О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ЦАРИЗМОМ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКИ МУСУЛЬМАН ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ
(1865-1917 гг.)**

В.П. Литвинов – аспирант

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Россия

На основе анализа новых архивных и правовых материалов описывается практика административной ссылки мусульман Туркестанского края Российской Империи, применявшаяся на протяжении 1865–1917 гг.

Ключевые слова: правовые основания; административная ссылка; мусульмане; Туркестан.

Известно, что под “Туркестанским краем” в соответствующей литературе нередко понимаются все российские территории в дореволюционной Средней Азии. Мы считаем, что в таком “географическом” подходе нет ничего предосудительного, но следует уточнить, что до 1898 г. эти территории не выступали в качестве единого административно-территориального образования. После указанного года все они приобрели такое качество, соединившись, по воле царской власти, в рамках единого Туркестанского генерал-губернаторства (края), которое было образовано в июле 1867 г. Мы намерены в рамках данной статьи рассмотреть вопрос о применении административной ссылки по отношению к жителям именно этой административно-территориальной

“единицы”, начиная с первых дней ее существования и до начала 1917 г. как времени падения царизма. Безусловно, административная ссылка применялась в Туркестанском крае к достаточно широкому кругу лиц, среди которых было много представителей “пришлого”, некоренного населения края – русских, малороссов, поляков, армян, немцев, российских (так называемых, “европейских”) евреев и др. Преимущественно, они выслались по причинам “политической неблагонадежности”, то есть причастности к революционному или националистическому движению (последнее было особенно распространено среди туркестанских армян). Следует отметить, что проблема ссылки таких лиц из Туркестанского края целостным образом не изучена до сих пор,

поскольку советская историография дореволюционного Туркестана писала в основном не об административной ссылке, а о “политической”, представляя ее как карательную меру царизма по отношению к борцам против самодержавия и эксплуатации трудящихся масс. При этом назывались многие фамилии, однако не упоминались никакие нормативно-правовые акты, на основании которых такая мера применялась. В данной статье мы также не ставим целью исследовать проблему административной ссылки революционеров и националистов из среды “пришлого”, некоренного населения, хотя и располагаем соответствующими материалами. Нам представляется более любопытным обратиться к вопросу о применении административной ссылки по отношению к представителям коренного мусульманского населения, составившего до 95% от общего числа жителей Туркестанского края. Мы считаем нелишним заметить, что этот вопрос вообще не получил должной научной рефлексии ни в дореволюционной, ни в советской историографии, хотя последняя и писала, например, о ссылке акына Токтогула или революционера Табалды Жукеева, но представляла ее как “политическую”, несмотря на то, что они оказались в Сибири не по административной воле туркестанских властей, а по приговорам царских судов как лица, представлявшие значительную опасность для самодержавия. Считаем необходимым также заметить, что Туркестанский край, в отличие от других административно-территориальных образований царской России, находился в ведении не МВД, а военного министерства, в связи с чем в нем действовали принципы “военно-административного” управления, упрощавшие применение административной ссылки по отношению к местным мусульманам, так как, по российскому законодательству, на территориях, подведомственных военному министерству, правами министра внутренних дел пользовался военный министр, делегировавший свои полномочия туркестанским генерал-губернаторам, а через них – и военным губернаторам областей края. Между тем, следует подчеркнуть, что право применения административной ссылки в Туркестанском крае всегда принадлежало только высшему лицу – генерал-губернатору. Безусловно, в ограниченных рамках одной статьи фактически невозможно вскрыть проблему в надлежащем углубленном и целостном выражении, поэтому мы хотели бы здесь, пусть несколько и фрагментарно, отметить основные элементы ее содержания.

Можно с полной уверенностью утверждать, что первый акт административной ссылки мусульман состоялся еще во времена существования Туркестанской области, образованной в феврале 1865 г. Летом того же года русские войска взяли Ташкент, ставший административным центром этой области. Черняев еще до штурма Ташкента знал (из донесений военной разведки) о существовании в городе сильной антирусской партии, возглавляемой наиболее радикальными представителями исламского духовенства. Поэтому после взятия Ташкента он выслал в административном порядке из области главарей этой партии. Однако их оказалось всего 9 человек, хотя, конечно, можно было выслать во много раз больше. Но Черняев не хотел излишней жесткостью мер портить отношения со всем мусульманским духовенством, которое, надо отметить, должным образом оценило великодушие “Ширнаиба” (“Предводитель львов”), как мусульманское население называло молодого русского генерала за отчаянную храбрость, смелость и мужество. Советская историография, понятно, изображала такую высылку как акт личного произвола царского полководца. Но это было не так. Черняев действовал на твердой правовой основе. Дело в том, что вскоре после взятия Ташкента 6 августа 1865 г. царь утвердил “Временное положение об управлении Туркестанской областью”, устанавливавшее в ней принципы так называемого “военно-народного” управления, глава которого (военный губернатор области) получал право на применение административной ссылки по отношению к “порочным” лицам из среды местного населения [1: 876–881]. О судьбе девяти сосланных Черняевым историография ничего не упоминала, и потому создавалось впечатление, что эти “шахиды” сгибли где-то в сибирских топях. Но это тоже было не так. Судя по архивным документам, которые фактически впервые вводятся нами в научный оборот, они были поселены в Омске на квартирах, оплачиваемых казной из расчета 1 руб. 50 коп. в месяц, а на их содержание выделялось по 30 коп. серебром в день, что было весьма приличной суммой по ценам того времени. Более того, каждому из девяти сосланных разрешили взять с собой прислугу, на содержание которой казна тоже выделяла деньги. Любопытно, что, по предложению Главного управления Генерального штаба, прислуге планировалось вначале выдавать по 10 коп. серебром в сутки, но военный министр Д.А. Милютин в документе исправил эту цифру на 15 коп. в день [2: 28об.]. Позже все сослан-

ные были помилованы и вернулись на родину, во многом, кстати, пересмотрев свои взгляды на Россию, русскую власть и вообще на российский народ в целом.

Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман был достаточно жестким администратором, но чувство меры никогда не изменяло ему. Судя по документам, вопросы административной ссылки “неблагонадежных” мусульман он решал, исходя не из личных эмоций, а на трезвой и взвешенной основе. И мог быть милосердным по отношению к сосланным. Например, в 1876 г. он выслал из Коканда Махмуд-хана-тюрю – знатного мусульманина, активного организатора беспорядков в Кокандском ханстве (развалившемся окончательно в том же году) и ярого русофоба. “Тюря” был отправлен в Вологодскую губернию под надзор местной полиции. Весной 1879 г. он направил министру внутренних дел Л.С. Макову прошение, в котором обещал быть верным слугой “Государя Императора”, если его отпустят на родину. Маков направил письмо военному министру Д.А. Милютину. По распоряжению последнего, начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден предложил Кауфману простить сосланного и разрешить ему вернуться в Коканд. 18 августа 1879 г. Кауфман писал в Главный штаб: “В виду известных мне причин я не могу изъявить согласие на возвращение Махмуда-хана-тюри” [3: 3]. Однако позже Кауфман изменил свое мнение по этому вопросу и 1 октября 1879 г. писал министру внутренних дел Макову, что он согласен на возвращение “тюри” домой. 26 октября 1879 г. Гейден попросил туркестанского генерал-губернатора объяснить причины столь резкой перемены его позиции. 12 декабря 1879 г. Кауфман писал Гейдену, что, во-первых, он получил от вологодского губернатора хорошую характеристику о поведении Махмуд-хана-тюри в ссылке, а, во-вторых, община мусульман г. Коканда согласилась взять его на поруки [3: 10об.].

Мы не считаем, что Кауфман в данном случае проявлял искреннее личное милосердие к “тюре”, но в том, что оно имело политическую мотивацию, уверены. Он хотел сделать соответствующий “жест” в отношении мусульманского края, особенно ферганского, наиболее “фанатичного” в религиозном плане, показав тем самым, что русская власть может быть не только суровой, но справедливой и великодушной. Поскольку нам известны и другие примеры такого рода действий Кауфмана, мы можем свидетельствовать, что они имели весьма положительную реакцию со стороны мусульманского населения, среди которого он

имел достаточный авторитет, отчего и назывался им “джарым-паша” (“полуцарь”).

В 1886 г. было принято “Положение об управлении Туркестанского края”, внесшее правовые новации в практику применения его военными властями для административной ссылки мусульман. Ст. 15 документа гласила: “Генерал-губернатору предоставляется высылать вредных, по политической неблагонадежности, туземцев в назначенные, по соглашению с министром внутренних дел, местности империи, на срок не свыше пяти лет. О каждом таком распоряжении генерал-губернатор доводит до сведения министров военного и внутренних дел, с подробным объяснением причин, побудивших его принять эту меру” [4: 321]. Из приведенного явствует, что право административной ссылки “туземцев” принадлежало только туркестанскому генерал-губернатору. То, что он должен был подробно объяснять причины ее применения к тем или иным лицам военному министру, понятно – последний был его непосредственным руководителем. Но может закономерно возникнуть вопрос: а причем здесь тогда министр внутренних дел? Поясним. Выше мы указывали на то, что военный министр имел полномочия министра внутренних дел, которые он делегировал туркестанскому генерал-губернатору. Но эти полномочия распространялись только на территории, подчиненные военному министерству. А мусульман Туркестана высылали туда, где такие полномочия не имели действия, поскольку там ими располагало лишь МВД. Но туркестанские генерал-губернаторы должны были подробно разъяснять министру внутренних дел причины применения к тем или иным лицам административной ссылки не в порядке подчиненности ему, а в информационном, то есть с тем, чтобы, исходя из таких сведений, министр мог избрать соответствующее их проступкам место поселения и сообщить о них местной полиции, которая, основываясь на этом, определяла степень надзорных мер по отношению к ссыльным. После этого за ссыльных мусульман Туркестанского края уже полностью отвечало МВД. Но право возбуждать дела о досрочном помиловании сосланных и возвращении их на родину имел только туркестанский генерал-губернатор, действующий в таких случаях через военного министра, который согласовывал такие вопросы с МВД. Исключение составляли лишь помилования сосланных по амнистиям, объявлявшимся “высочайшей” властью по “высокоторжественным” датам или в связи с кончиной царствующих особ и их близких.

Об административной ссылке говорилось и в ст. 218 “Туркестанского положения” 1886 г.: “Если, вследствие неисправимо дурного и вредного поведения подсудимого народный суд признает наказание, которое он вправе назначить, недостаточным, то, определив оное в пределах своей власти, может ходатайствовать чрез областное правление о высылке подсудимого из места жительства по отбытии наказания”. При этом статья 219 подчеркивала, что “утверждение означенных в статье 218 ходатайств зависит от генерал-губернатора” [4: 336]. Это означало, что только он мог применять в таких случаях право на административную ссылку “опасных” мусульман Туркестана.

Нам до сих пор неясно, почему комиссия графа Н.П. Игнатьева, разрабатывавшая проект “Положения об управлении Туркестанским краем” 1886 г., внесла в него такую норму. Мы не исключаем, что недавно назначенный на должность туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах, участвовавший в работе комиссии, плохо знал положение в регионе, в том числе и характер “народного суда” коренного населения, а потому не настоял на ее удалении из проекта. Но именно ему вскоре пришлось исправлять ошибку законодателя. Почему? Дело в том, что “народные суды” в Туркестанском крае избирались самим населением и электоральный процесс всегда сопровождался острейшей борьбой различных групп за право обладать важным судебным местом. Победившая группа, как правило, тут же старалась, используя “свой” суд, расправиться с соперниками, тем более, руками российских властей. Если учесть, что закон запрещал военным властям вмешиваться как в выборы судей, так и в деятельность “народных судов”, то последние часто выносили приговоры, на основании которых можно было ходатайствовать перед властями о применении к своим противникам административной ссылки с тем, чтобы вообще избавиться от их присутствия в крае и решать все по-своему. Уже через год после принятия “Туркестанского положения”, в августе 1887 г., туркестанский генерал-губернатор Розенбах в рапорте военному министру возбудил вопрос о возможности исключения из “Положения” 1886 г. ст. 218 и 219, указывая, что приговоров “народных судов” об административной ссылке местных мусульман может стать так много, что им будет трудно найти место даже в Сибири. 15 марта 1888 г. он требовал в рапорте военному министру П.С. Ванновскому ходатайствовать в правительстве “об отмене вовсе вы-

сылки туземцев по приговорам народных судов” [5: 9]. П.С. Ванновский начал консультации по этому вопросу с министром внутренних дел Д.А. Толстым и министром юстиции Н.А. Манасеиным. Оба согласились с доводами военных бюрократов С.-Петербурга и Ташкента. По распоряжению П.С. Ванновского, Азиатская часть Главного штаба подготовила соответствующее представление в Государственный совет, которое было направлено туда военным министром 11 июня 1888 г. 3 октября 1888 г. Департамент законов Государственного совета вынес положительное решение по представлению военного министерства, которое было одобрено “мнением” общего собрания членов Госсовета. 9 ноября 1888 г. “мнение” Государственного совета было утверждено императором Александром III и приобрело ранг закона [6: 533].

Таким образом, через два с лишним года военная бюрократия Туркестанского края добила исключения из “Положения” 1886 г. двух опасных своими нежелательными для нее последствиями статей. Соответственно, “народные суды” региона утратили возможность сводить счеты с политическими противниками руками “военно-бюрократического” режима, удаляя их таким образом со своего пути. Применение военной бюрократией Туркестанского края административной ссылки к “вредным по политической неблагонадежности” коренным жителям часто срывалось тем, что они бежали от этой меры в пределы соседних среднеазиатских ханств – Бухарского и Хивинского, которые являлись российскими протекторатами, следуя в фарватере внешней политики царизма, но в сфере решения своих внутренних проблем были самостоятельными и независимыми от русской власти. Сбежавших “неблагонадежных” мусульман Туркестанского края они выдавали с большим трудом, ссылаясь на то, что у его военных властей нет законных прав на это. Понятно, что в связи с этим последние постоянно ходатайствовали перед военным министерством о законодательном решении вопроса о предоставлении им права высылки политически опасных мусульман – подданных России из Бухарского и Хивинского ханств. Но попыткам военной бюрократии решить этот вопрос мешало министерство иностранных дел, считавшее, что, во-первых, это может обидеть правящие круги ханств, а, во-вторых, правом определять, кто заслуживает высылки, должен быть наделен представитель МИД в Бухарском ханстве – Императорский политический агент, а по Хивинскому ханству – начальник Аму-Дарьинского отдела,

имевший “Инструкцию” МИД на сей счет. Решение вопроса стал особенно активно продвигать туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский. Фактически весь 1892 г. ушел у военного министерства на постоянные согласования разных вариантов его решения с МИД и МВД. В итоге стороны все же пришли к согласию. И военное министерство направило соответствующее представление в Государственный совет, который вынес по нему положительное решение, утвержденное 15 марта 1893 г. царем [7:127]. Нельзя сказать, чтобы этот правовой акт позволил военной администрации Туркестанского края “вынимать” из Бухарского и Хивинского ханств всех “порочных” российских подданных. Но он имел в большинстве случаев успешные результаты, так как в Бухарском ханстве действовали на постоянной основе органы “военной” полиции Туркестанского края, имевшие свою агентуру, которая помогала разыскивать “нужных” людей. Имел свою агентуру и политический агент в Бухаре. После учреждения в конце 1907 г. Туркестанского районного охранного отделения, оно, со временем, также обзавелось “сетью” своей агентуры в Бухарском ханстве. В Хивинском ханстве розыск “опасных” российскоподданных мусульман облегчался тем, что оно было относительно малонаселенным. Таким образом, общими усилиями политически опасные мусульмане – подданные России извлекались из ханств, после чего их приказом туркестанского генерал-губернатора отправляли в административную ссылку во “внутренние” губернии страны или в Западную Сибирь, где было много коренных жителей-мусульман – татар, башкир, казахов и др.

Поскольку ссылка в далекие края была все же тягостной для мусульман Туркестанского края, то в 1903 г. между военным министерством и МВД было достигнуто соглашение об обмене “административными” ссылками между Туркестанским краем и соседним с ним Степным генерал-губернаторством, подчиненным МВД. Соответствующее представление было рассмотрено в Государственном совете и одобрено им. 1 декабря 1903 г. царь утвердил соответствующий закон [8: 1047]. После этого административно ссылным мусульманам Туркестанского края стало намного проще и легче отбывать наказание, поскольку они теперь пребывали в привычной для себя среде единоговерного населения Степного края – казахов, уйгуров, татар и др.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что военная бюрократия Туркестанского края применяла административ-

ную ссылку преимущественно по отношению к политически “неблагонадежным” мусульманам, чье присутствие в крае представляло опасность государственным интересам. Но такая мера не имела всеобъемлющего характера, о чем свидетельствовало то, что правом такой ссылки был наделен только генерал-губернатор, который, естественно, не пользовался им каждодневно, а лишь в виде крайне необходимой меры.

Литература

1. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской областью. 6 августа 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 г.– СПб., 1867. – №42372.
2. О содержании высланным из гор. Ташкента сартам на жительство в Западную Сибирь // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38 (Департамент Генерального штаба). Оп. 8. Д. 97.
3. О возвращении на родину жителя Кураминского уезда Махмуд-хана-тюри, находящегося под надзором полиции в г. Устюге // РГВИА. Ф. 400 (Азиатская часть Главного штаба). Оп. 1. Д. 611.
4. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. 1886 г.– СПб., 1888. – №3814.
5. О высылке в Сибирь административным порядком туземцев Туркестанского края вследствие приговоров народного суда // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1182.
6. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Об отмене постановлений о высылке туземцев Туркестанского края из места жительства по приговорам народных судов”. 9 ноября 1888 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 8. Отд. 1. 1888 г.– СПб., 1890. – №5538.
7. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “О предоставлении Туркестанскому Генерал-Губернатору права высылать на родину из пределов Бухарского и Хивинского ханств неблагонадежных и порочных русских подданных”. 15 марта 1893 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 13. 1893 год.– СПб., 1897. – №9425.
8. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “О порядке удаления порочных инородцев областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской”. 1 декабря 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23. Отд. 1. 1903 г. – СПб., 1905. – №23613.